

Сражение при Бородино и планы изгнания Наполеона

Известно, что в период наполеоновских завоеваний победа в генеральном сражении была, как правило, решающей для исхода войны. Йена, Фридланд, Ваграм имели следствием быстрое заключение мира. Правда, разгром испанской армии не привел к окончанию войны, но там свободолюбивые испанцы помимо труднодоступной местности имели такого мощного союзника, как английская армия и флот, способных высаживать десант, удерживать плацдарм в нужной точке побережья и затем эвакуировать десант. Все вместе это истощало и деморализовывало французскую сухопутную мощь.

Иное дело Отечественная война 1812 г. Главная роль в ней принадлежала регулярной армии, ускользнувшей от неприятеля в глубь бескрайней страны. Генеральное сражение имело место только при Бородино. Несмотря на то что в Бородино «французская армия разбилась о русскую», русское командование решило не испытывать судьбу. Армия отступила в тарутинский лагерь, оставив Москву. По многочисленным свидетельствам русского Главнокомандующего М.И.Кутузова, в этот период был принят тот план, которому он неукоснительно следовал до окончания изгнания неприятеля из России. «При отступлении главной армии в крепкую тарутинскую позицию поставил я себе за правило, видя приближающуюся зиму, избегать генерального сражения: напротив того, вести беспрестанную малую войну... отняв (у неприятеля. — С.Ш.) все способы продовольствия»¹.

Искушенному читателю ясно, что этот план возник не в Тарутино. Наоборот, Кутузов оказался в Тарутино в соответствии с этим планом. В официальных известиях из армии, предназначенных для иностранцев, сразу после березинской операции, Кутузов уточнил, что этот великий план был задуман непосредственно после Бородинского сражения². Хотя этот документ пропагандистский, в котором стопроцентной правды не может быть по определению, внутренняя логика и факты показывают, что основные принципы плана действительно были приняты до приближения армии к стенам Москвы. Остается уточнить — до или после битвы у села Бородино? Кстати, данное признание полководца не могло иметь широкого распространения в официальной переписке, так как формально Кутузов принял к исполнению план, разработанный императором Александром I.

Если победный план был принят непосредственно после Бородино, возникает вопрос: в соответствии с каким планом русская армия приняла французский удар?

Наиболее просто и открыто свою точку зрения изложил академик Е.В.Тарле. По его мнению, Кутузов не хотел генеральных сражений, так как Наполеон все равно покинул бы Россию³. На первый взгляд здесь нет ничего, кроме парадокса. Тарле подразумевал здесь множество объективных предпосылок: повсеместное активное и пассивное сопротивление населения захватчикам, невозможность реально оккупировать территорию в стороне от основных коммуникаций, неспособность обеспечить фуражом многочисленную конницу зимой и одновременно вести боевые действия... Незаконченность данного построения заключается в том, что уклонение от генерального сражения способно подорвать боевой дух защитников. Способность «противустать» противнику в любой момент, когда он бросит вызов, есть важнейшее условие изгнания неприятеля, а она должна поддерживаться победами.

Близкой по сути, но более сдержанной по форме точки зрения придерживались русские историки конца XIX - начала XX вв. М.И.Богданович и В.И. Харкевич — авторы коллективного труда «Отечественная война и русское общество». Они считали, что в результате Бородино стратегическое положение русских почти не изменилось. Кутузов не мог рассчитывать на победу во втором сражении под Москвой в силу превосходства сил Наполеона; Бородино было очистительной жертвой за Москву. Всякое замедление развязки было столь же вредно для неприятеля, сколько выгодно для нас⁴.

Полярную точку зрения высказали советские историки П.А.Жилин и Л.Г.Бескровный. Сам факт вступления в сражение при Бородино был результатом глубокого анализа обстановки, выработки оригинального стратегического плана.

Одного Бородинского сражения оказалось недостаточно для защиты Москвы. Результаты сражения не подтвердили надежд русских. «Не ясно ли, что всякого рода подтверждения о якобы наступившем после Бородино коренном переломе в ходе войны лишены основания. Для того чтобы произошел полный перелом в войне, необходимо было качественное изменение самого характера боевых действий, необходим был переход армии от обороны к наступлению. Но сразу после Бородино... этого не произошло»^v. Из этой правильной посылки, казалось бы, следует заключение, что, находясь в трех переходах от Москвы, нельзя всерьез рассчитывать спасти ее. Но Жилин считает, что Кутузов до последнего момента надеялся на усиление армии свежими, хотя и необученными резервами. В том, что пришлось отдать Москву, виноваты царь, военное министерство, московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин, необеспечившие подход резервов. Был и другой выход, «но для этого необходимо было открыть московский арсенал, вооружить *патриотов*»^{vi}.

В считанные дни и часы Кутузов пришел к другому решению: «Самым уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелям», но для этого не надо преждевременно активизировать военные действия, готовить контрнаступление^{vii}. И так, оба решения полководца признаны Жилиным мудрыми. В таком случае он допускает обман опытного Главнокомандующего. Жилин оказывает Кутузову медвежью услугу, доказывая наличие глубокой мысли в тех высказываниях, которые делались для поддержания боевого духа, маскировки непопулярных решений. Можно сказать, что автор фактически отказал Кутузову в стратегическом предвидении.

Дальнейший ход войны виделся Жилину как реализация глубокого понимания Кутузовым роли народа, основательной подготовки контрнаступления, решительного проведения его в жизнь с помощью системы сражений, действий конницы и партизан. Автор не находит здесь места таким факторам, как большие пространства, бездорожье, голод и холод.

В последних изданиях его труда исключены многие аргументы, подтверждающие теоретические положения, но они присутствуют в изданиях 1950 и 1953 гг. Некоторые из них прямо противоречат тому, что призваны подтверждать. Вот как Жилин опровергает точку зрения Е.В.Тарле на преемственность стратегической линии Барклая и Кутузова: «Тяжелая военная обстановка, прежде всего недостаток сил русской армии и отсутствие подготовленных резервов в стране, заставили Кутузова искать нового способа ведения войны... Кутузов противопоставил наполеоновской стратегии генерального сражения иную, качественно отличную форму борьбы. Существо ее состояло в том, что Кутузов навязал свою волю, заставил его углубиться на территорию России, вынудил французскую армию оторваться от баз и резервов, а затем, когда противник втянулся в глубь страны, Кутузов в иной обстановке, более благоприятной для русской армии, измотал противника, вырвал у него наступательную инициативу и, перейдя в контрнаступление, нанес ему сокрушительное поражение»^{viii}.

В этой трактовке стратегии Кутузова читатель заметит несоответствие взглядов автора на то, что якобы фельдмаршалу, а не Барклаю принадлежат лавры завлечения врага в глубь страны. С другой стороны, Жилин не упомянул Бородино; выходит, что армию Наполеона привели в расстройство большие пространства, изменение соотношения сил, т.е. перелом в войне был достигнут, главным образом, изматыванием врага, а отказ от генерального сражения был вынужденной мерой. Так Жилин фактически признал правоту Е.В.Тарле.

В своих работах Жилин резко выступал против приписывания Кутузову стратегии «золотого моста», настаивая на том, что «только в результате сокрушительных ударов русской армии в период контрнаступления произошло окончательное уничтожение наполеоновских войск»^{ix}. Под «золотым мостом» он понимал «добровольное» отступление наполеоновской армии, вслед за которой медленно двигались русские войска. Кутузов же, по утверждению «некоторых историков, не желал больше давать ни боев, ни сражений и в силу своей нерешительности предоставил возможность Наполеону спокойно отводить войска»^x. Он также отверг тезисы о сколько-нибудь значительной роли таких факторов, как большие пространства, голод, холод, поскольку говорящие о них авторы замалчивают мужество русских солдат и полководческие таланты русских военачальников^{xi}. Его же другое высказывание о роли голода: «Столь поспешное отступление объясняется... стремлением Наполеона как можно быстрее прорваться к Смоленску, где находились крупные запасы

продовольствия и фуража...»^{xii}

Что касается морозов, Жилин согласен с английским историком Д. Ченддером: «Нельзя считать, что русская зима сыграла какую-то большую роль в его неудачах». Далее он сравнивает: «Фактически армия Наполеона понесла такой же ущерб от знойного русского лета, как и от зимних морозов. Десятки (тысяч? — *С.Ш.*) кавалерийских и артиллерийских лошадей пали задом до вступления Наполеона в Москву»^{xiii}. Получается, что падеж десятков тысяч лошадей в конце октября не сыграл большой роли в гибели французской армии. Роль больших пространств в России в судьбе Наполеона автор не стал опровергать.

Большинство историков придерживались компромиссной точки зрения. А.И. Михайловский-Данилевский настаивал на том, что Бородино не было чьей-либо победой, от Бородино до Москвы Кутузов не переставал помышлять о возможности вступить в бой, но в то же время продумал детали поворота на Калужскую дорогу^{xiv}. Б.М. Колюбакин, проанализировав несоответствие обстановке заявления Кутузова Ф.В. Ростопчину 17 августа, не решился сделать определенный вывод: «Неизвестным остается искренность заявления, что "с потерей Москвы соединена потеря России..." или Кутузов так говорил для вернейшего успокоения населения... в чем опять доказательство его мудрости»^{xv}. Колюбакин признал здесь мудрость обеих трактовок вопроса о защите Москвы.

Автор последнего по времени труда о 1812 годе Н.Л.Троицкий также не пришел ни к какому выводу: «Трудно сказать, верил ли сам Кутузов в то, что он говорил, или поддержал такими заверениями боевой дух армии; для того, чтобы решить судьбу Москвы, он созвал военный совет»^{xvi}.

Одна из причин неубедительности некоторых выводов маститых историков, на наш взгляд, заключается в том, что явления рассматривались по мере их развития — от зарождения до исчезновения, т.е. так, как они представлялись участникам событий. Узнать истинные движущие силы кампании можно, лишь рассматривая развитие явления в направлении, обратном течению времени: от наиболее зрелого состояния к едва различимым предпосылкам. Такой метод позволяет определить, какие шаги Кутузов делал только для того, чтобы усыпить общественное мнение, а какие действительно вели к победе.

И здесь надо признать, что самой главной идеей, спасшей Россию, была идея сохранения армии как грозной силы, способной «противустать» неприятелю, воспользоваться возможными оплошностями, измотать неприятеля (а не сокрушить его в генеральном сражении). Смысл сохранения армии состоял в том, чтобы использовать факторы, неравномерно действовавшие на обе стороны. В противном случае баланс сил никак не изменился бы, кроме как в ходе генерального сражения. П.А.Жилин в качестве главного фактора победы назвал могущество народа, не вкладывая в это понятие конкретного содержания.

Но разве могущество народа не опиралось, кроме особенностей менталитета, на такие факторы, как большие, редконаселенные, труднопроходимые пространства, более суровый климат, отсутствие продовольствия, необходимого даже для кратковременного обеспечения большой армии. Русская армия, находясь в собственной стране, получая всемерную помощь в снабжении, перенесла незначительную часть тех тягот, которые выпали на долю французов. Будь наше пространство в 34 раза меньше, противнику пришлось бы двигаться без фуража и продовольствия не месяц, а неделю. Соответственно, не было бы такого голода, падежа лошадей. Тогда армию Наполеона можно было бы изгнать, только победив в генеральном сражении.

Расчет Кутузова на эти факторы, наряду с народным негодованием против захватчиков, ясно просматривается в документах и высказываниях конца 1812г., частично приведенных в начале данного материала. Их можно дополнить другими, сделанными раньше.

Приведем выдержки из бесед Кутузова с французским генеральным интендантом Пюибюском 10-13 ноября (ст. ст.) 1812 г.: «Война, предпринятая против такого обширного государства, как Россия, есть нелепость... Ему (Наполеону. — *С.Ш.*) уступали столько пространства, сколько было нужно для того, чтоб истомить его армию, ослабить и победить ее усталостью или голодом; притом надеялись, что суровость климата и совсем ее уничтожит... При Малоярославце я отступил от моего решения избегать, по возможности, сражений...от меня зависело истребить вас еще до

прибытия в сей юрод (Смоленск. — С.Ш.), но я, уверенный в вашей гибели, не хотел жертвовать для сего ни одним из своих солдат»^{xvii}. Слова пленного генерала можно было бы не воспринимать как свидетельство истинного мнения Кутузова, если бы они не подтверждались другими документами. В приказе по армии от 19 октября Кутузов описывал обстановку так: «...Утомленный дальними походами, изнуренный до крайности скудным продовольствием, тревожимый и истребляемый повсюду партиями нашими... постигнув, наконец, всю суетность дерзкой мысли, однако, занятием Москвы поколебать Россию, предпринял он поспешное отступление вспять»^{xviii}. О том, что план измотать Наполеона возник еще до оставления Москвы, свидетельствует решение Кутузова на совете в Филях: «...Первой обязанностью поставляю сберечь армию... и самым уступлением Москвы приготовить гибель неприятелю»^{xix}.

Это было первое по времени документально зафиксированное решение: по возможности избегать сражений и использовать все другие средства истощения неприятеля. Очевидно, что такое решение не могло возникнуть в одни сутки. Кутузов не мог столь стремительно и с ходу менять тактику: крах всех расчетов на победу под Москвой и выработка противоположного, но единственно верного плана. Значит, такое решение предполагалось заранее, но не могло быть прежде времени заявлено, поскольку при своем назначении Кутузов получил социальный заказ активизировать боевые действия и защитить Москву.

Решимость избегать генеральных сражений в завуалированной форме видна в отданном двумя днями ранее (30 августа) приказе по армии: «Генеральное сражение, которое неприятель, находясь от недостатка в продовольствии в гибельном положении, конечно, предпримет, дерзость нам дать должно решить его участь. С нашей стороны принимаются все способы поразить его»^{xx}. Действительно, зачем идти на встречу пожеланию противника вступить с ним в сражение, когда он быстро ослабевает от недостатка продовольствия? Формально Кутузов выражал готовность сразиться с противником.

Может возникнуть вопрос: почему Кутузов разъяснял свою стратегию в приказах по армии и не сообщал о своих соображениях в Петербург? Но об этом расскажем позже.

Сам фельдмаршал в конце войны, как мы помним, сказал, что великий план, приведший к победе, возник у него непосредственно после Бородинского сражения. Можно было бы поверить этому. Но тогда встает вопрос: если ведущим принципом было сохранение армии, то какое место в достижении победы имело Бородино? Понимание важности сохранения армии возникло еще в начале войны. М.Б.Барклай де Толли развил свой план, дополнив его идеей использования Дунайской армии для перехвата операционной линии Наполеона.

«Желание неприятеля есть кончить войну решительными сражениями, а мы, напротив того, должны стараться избегнуть генеральных и решительных сражений всею массою потому, что у нас армии в резерве никакой нет. Главнейшая наша цель в том заключается, чтобы сколько можно выиграть времени, дабы внутреннее ополчение и войска формирующиеся внутри России могли быть приведены в устройство и порядок. В нынешних обстоятельствах не дозволяется первой и второй армиям действовать так, чтобы недра государства, ими прикрываемые, через малейшую в генеральном деле неудачу подвергнуты были опасности и потому оборонительное состояние их есть почти бездейственное: решение же участи войны быстрыми и наступательными движениями зависит непосредственно от Молдавской и 3-й армий и сие соответствует общему плану войны, по коему часть войск, на которую устремляются главнейшие силы неприятеля, должна его удерживать, между тем как другая часть, имея против себя неприятеля в меньшем числе, должна опрокинуть его, зайти во фланг и тыл большой его действующей армии»^{xxi}. Этот план в июле 1812г. был доведен до командующих армиями А.П. Тормасова, П.И. Багратиона, П.В. Чичагова. Если можно допустить, что герой Рущука не пришел к этой же мысли сам и сделал ставку на успех в сражении под Москвой, то нет никаких оснований полагать, что Барклай не изложил этот план приехавшему в армию Кутузову. Данный документ опровергает мнение Б.М. Колубакина, А.Н.Попова, П.А.Жилина, что Барклай почти случайно спас армию, поскольку он не знал глубоко Россию, не имел каких-либо серьезных планов, был, в силу болезненных нервных проявлений, неспособен командовать армией. Барклай раньше Кутузова и царя выдвинул идею: создав серьезную угрозу коммуникациям Наполеона в Белоруссии, остановить и повернуть вспять его наступление. Идея сохранения армии была воспринята в армии и дворянском обществе как результат трусости, предательства «немцев», засевших в штабах.

Кутузов должен был добиться быстрого поворота в ходе войны, под это он получил кредит доверия народа, который позволил ему продолжить стратегию сохранения армии даже ценой потери Москвы. Отрицательным последствием назначения стал определенный период вхождения в дела обороны в самый напряженный момент войны. Чтобы проводить нужную стратегию и поддерживать патриотические чувства, Кутузов вынужден был прибегнуть к различным методам маскировки своих планов, созданию имиджа победителя Наполеона при Бородино, заставляющего его делать ошибку за ошибкой. Неисполнение

высочайших указаний он объяснял разными случайными причинами — задержка движения обозов, неверные донесения казаков, ошибки сотрудников штаба... Возникшие из этого противоречивые донесения и высказывания Кутузова и позволяют историкам до сих пор подтверждать свои гипотезы соответствующими ссылками.

Сказанное в какой-то мере объясняет, почему Кутузов, прибыв к армии, не имея еще точных данных об обстановке, решился на генеральное сражение с Наполеоном, которое вполне могло закончиться поражением русских. Этот факт дал право А.Н. Попову, П.А. Жилину на доказательство решительности стратегии Кутузова. По их мнению, Кутузов же решился вступить в Бородинское сражение. Значит, нет оснований полагать, что он стал думать иначе в более благоприятной обстановке, начиная с Малоярославского боя. С другой стороны, имея возможность не выпустить отступающего противника после сражений при Тарутино, Малоярославце, Вязьме и Красном, Кутузов не решился на вполне оправданный риск. Напрашиваются три варианта ответа:

1) Кутузов не опасался встречи с Наполеоном, но не желал проливать излишнюю кровь русских, поскольку плодами разгрома могла воспользоваться владычица морей Великобритания, присвоив французские колонии;

2) Кутузов принял решение о сражении, не располагая достоверными сведениями; вообще, трудно сказать что-либо определенное о его планах на всем протяжении кампании, поскольку он следовал правилу древних — «даже подушка не должна знать мыслей полководца»;

3) Кутузов опасался встречи с Наполеоном, но ради исполнения желаний армии и общества решился на битву как очистительную жертву. Далее он следовал «системе медлителя», чтобы не принуждать неприятеля искать спасения в прорыве, когда отчаяние придаст ему дополнительные силы.

Из первого варианта ответа вытекает, что Кутузов владел секретами успеха в генеральном сражении, отказался от повторения сражения в более благоприятной обстановке с целью соблюдения отдаленных внешнеполитических интересов России. Экономия «крови» при этом была относительной, так как были подвергнуты разорению еще нетронутые города и уезды, возникли эпидемии, потребовалось продолжение войны в Европе. Последнее утверждение историков (А.Н. Попов, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин) не может быть признано серьезным, поскольку враг находился в центре России и для его уничтожения следовало использовать каждый удобный случай. Кроме того, если продолжить эту мысль, России были выгодны до определенного момента осторожные действия, т.е. «золотой мост»^{xxii}.

Второй вариант кажется более объективен, но уклончив, так как допускает самые разные объяснения, включая первый и третий варианты.

Третий вариант представляется наиболее близким к действительности. Он объясняет, почему Бородино не стало поворотным пунктом войны. Вопрос в том, когда эта истина стала очевидна для фельдмаршала, до сражения или после? Если после, то получается, что Кутузов переоценил свои возможности, допустил шараханье в своей стратегической линии. Наоборот, понимание того, что достижение победы в бою маловероятно и что русская армия все равно должна сразиться перед Москвой, даже ценой риска поражения, ставит Кутузова как полководца на самый высокий уровень.

Приведем свидетельство сосуществования двух линий в высказываниях полководца. 19 августа в письме председателю Государственного Совета Н.И. Салтыкову: «Должно будет для спасения Москвы и, чтобы постановить наводнение от неприятеля преграду дать сражение около Можайска»^{xxiii}. 28 августа, уже после сражения, он поднимал боевой дух армии следующими словами: «Ныне нанеся ужаснейшее поражение врагу нашему, мы дадим ему с помощью Божию конечный удар. Для сего войска наши идут навстречу свежим войскам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем»^{xxiv}. Московскому главнокомандующему Ф.В. Ростопчину Кутузов даже 31 августа еще говорил о неизбежности нового генерального сражения под Москвой.

Если крупных чиновников и широкие массы армии и народа позволительно и даже желательно было удерживать в неведении относительно размеров предстоящих испытаний, которые ожидают любезное им отечество, то непозволительно было так поступать с главой государства императором Александром. Судя по рапортам, Кутузов информировал его не в столь радужных тонах. Что царь быстро заметил и неоднократно требовал дать правдивую оценку положения.

19 августа Кутузов писал царю: «Усилиясь таким образом ...в состоянии буду для спасения Москвы отдаться на произвол сражения, которое, однако же, предпринято будет со всеми предосторожностями».

23 августа, накануне Бородина, он предупреждал о возможности отхода: «...Ежели он, найдя мою позицию крепкою, и маневрировать станет по другим дорогам ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что, может быть, должен итти и стать позади Можайска»^{xxv}. Эти предосторожности никак не увязываются с такой активной целью, как спасение Москвы. Они скорее предполагали окончить оборонительное сражение добровольным отходом. Цель его могла быть одна: поддержание боевого духа армии и моральное очищение за оставление Москвы.

Совсем другие мысли Кутузов излагал в минуту откровенности. Так, 10 августа, в близком

родственном кругу, он сказал: «Я бы ничего так не желал как обмануть Наполеона»^{xxvi}. 17 августа писал Ф.В. Ростопчину: «Не решен еще вопрос что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»^{xxvii}. Большинство историков не заметило скрытой издевки над теми, кто собирался спасти Москву ценой гибели армии, кто не видел опасности поражения в битве тогда, когда предпосылки победы почти созрели. 1 сентября на совете в Филях он теми же словами дал обратный ответ. Приведенная выше выдержка из приказа по армии за 30 августа показывает, что Кутузов на деле объяснял армии: сейчас сражение не нужно, очень скоро голодная армия Наполеона не сможет нам противостоять.

Истинное свое отношение по поводу необходимости Бородинского сражения Кутузов выразил в донесении императору о сдаче Москвы: «...Последствия сии (потеря Москвы. — *С.Ш.*) нераздельно связаны с потерей Смоленска, и с тем, расстроены совершенно состоянием войск, в котором я их достал»^{xxviii}. В данном случае фельдмаршал подтвердил, что в действительности он не ставил целью сражения спасти Москву.

Для того чтобы окончательно определить цели сражения, следовало бы произвести тактический анализ боя, но это выходит за рамки темы. Принятие предосторожности от возможного поражения, на наш взгляд, свидетельствует о постановке перед армией задачи-минимум — выдержать удар Наполеона. В замысле Бородина нашел удачное разрешение конфликт между стратегией сохранения армии и патриотической идеей, требовавшей немедленного боя с целью спасения чести России. Тарутинский марш-маневр окончательно примирил армию и Главнокомандующего. Разногласия остались лишь между частью генералитета и царем по поводу того, нужно ли вступать в генеральную битву с быстро слабеющими войсками Наполеона? Или лучше гнать их по ледяной пустыне, а затем уже подключить свежие войска для разгрома над реке Березине? Отнюдь не всем была видна большая реалистичность этого второго замысла.

Недовольство императора Кутузовым было вызвано тем, что Кутузов не считал нужным подробно докладывать о своих планах и обстоятельствах, не позволивших завершить намеченные операции. В результате Александр I был вынужден извлекать необходимую информацию из писем других лиц. Слава Кутузова к тому времени настолько выросла в глазах общества, что о его замене вопрос не мог быть даже поставлен.

Подведем итоги. Победа в войне 1812 г. была достигнута благодаря стратегии сохранения своей армии и изнурения неприятельской; условием успеха стал патриотизм населения России, не пошедшего на сотрудничество с захватчиками. Сказались и природные факторы, осложнявшие действия неприятеля: большие пространства, бездорожье, отсутствие достаточного продовольствия и особенно фуража, суровые климатические условия. Предел стойкости наполеоновской армии был превзойден вскоре после Бородино. Оно стало необходимым звеном, благодаря которому стало возможным продолжение стратегии сохранения своей армии и измора противника. С помощью принятых предосторожностей русская армия выдержала бой, но понесла потери гораздо большие, чем у противника, в первую очередь из-за невозможности вывезти всех раненых. Зато благодаря сражению был преодолен кризис доверия к руководству, получившему возможность затягивать кампанию, в условиях, когда время работало исключительно на русских. Если вспомнить, что Наполеон был мастером молниеносных операций, то естественным средством против него стала «система медления». Отказ от генеральных сражений был сначала вынужденным, а на этапе преследования он стал добровольным, т.е. был продиктован соображениями целесообразности.

Примечания

ⁱ Кутузов М.И. Сб. документов. Т. IV, ч.2. М., 1955, с.554.

ⁱⁱ Там же, с.440

ⁱⁱⁱ Тарле Е.В. 1812 год. М., 1959, с.655.

^{iv} Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1868. Т.11, с. 228; Харкевич В.И. Березина. СПб., 1839, с. 33; Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1912. Т.4, с.17.

^v Жилин Я.Л. Кутузов. М., 1989, с.190.

^{vi} Там же, с.192.

^{vii} Там же, с.193.

^{viii} Жилин П.А. Контрнаступление русской армии в Отечественной войне 1812 года. М., 1953, с.41

^{ix} Жилин П.А. Кутузов, с.321.

^x Там же, с.260.

^{xi} Там же, с.262-263.

-
- xii Там же, с.243.
- xiii Там же, с.262.
- xiv *Михайловский-Данилевский А.И.* Полное собр. соч. Т.4.СПб.,1850, с.448, 453, 466,479.
- xv Труды ИВРИО.М.,1912. Т.7, кн. 3. с.10.
- xvi *Троицкий Н.А.* .1812.Великий год России. М., 1988,с. 183.
- xvii Русская Старина, 1877,№ 3, с.433.
- xviii Кутузов М.И. Сб. документов. Т.IV,ч.2.М.,1955,с.165.
- xix Там же. Т.IV,ч.1,0,221.
- xx Там же, с.182.
- xxi Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА.Т.ХУП. СПб., 1911,с.167-168.
- xxii *Жилин П.А.* Кутузов. С.261,375; *Бескровный Л.Г.*Отечественная война 1812
- xxiii Кутузов М.И. Сб. документов. Т. IV,ч.1, с.106.
- xxiv Там же, с.161.
- xxv Там же, с.130
- xxvi Русская старина. 1873, т. VII, с.137.
- xxvii Кутузов М.И. Сб. документов. Т. IV, ч.1, с. 90.
- xxviii Там же, с.234.